

ГЛАВА III.

Общій ропотъ.

АРОДЪ, зорко слѣдившій за борьбой, происходившей между царемъ и стрѣleckимъ войскомъ, оправдывалъ образъ дѣйствій мятежниковъ, рѣзко порицая жестокость государя. Говорить громко объ этихъ событіяхъ было опасно. Зато въ частныхъ бесѣдахъ раздавались жалобы, угрозы, проклятія. Самымъ любимымъ предметомъ разговоровъ въ тѣsnѣйшихъ кружкахъ единомышленниковъ была ненависть къ царю, заставлявшая противниковъ послѣдняго останавливаться на вопросѣ о его кровожадности и его охотѣ мучить людей. Таково содержаніе многихъ бесѣдъ, о которыхъ правительство узнавало чрезъ доносчиковъ и которыя сдѣлались извѣстными потомству черезъ допросы въ застѣнкахъ.

Особенно много, часто и съ крайнимъ раздраженіемъ говорили о казняхъ стрѣльцовъ. Происходили сборища недовольныхъ. Вездѣ разсуждали тайно объ ужасныхъ современныхъ событіяхъ.

Когда стрѣльцовъ толпами начали свозить въ Москву для розысковъ, то въ народѣ пошелъ слухъ, что по нимъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ. Жена стряпчаго конюха, Аксинья, говорила

своему крѣпостному человѣку Гаврилѣ: «видишь, онъ (царь) стрѣльцовъ не любитъ, сталъ ихъ переводить; уже онъ всѣхъ ихъ переведетъ»; Гаврила отвѣчалъ: «чего хотѣть отъ бусурмана; онъ обусурманился: въ среду и пятницу мясо ѣсть; коли сталъ стрѣльцовъ переводить, переведетъ и всѣхъ; уже ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить». Акинья прибавила съ ругательствомъ, что, когда царь какихъ-то преступниковъ «до Яузскихъ воротъ велѣлъ бить кнутомъ, какъ ихъ били и онъ за ними самъ шелъ». Акинью и Гаврилу казнили смертию.

Въ народѣ сочувствовали другимъ членамъ царской фамиліи и говорили: «не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена». Стрѣлецкія жены рассказывали: «царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ихъ (царевенъ) поморилъ съ голоду; еслибъ-де не монастыри насъ кормили, мы бы давно съ голоду померли, и царевичъ ей сказалъ: дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ подберу»... «Государь свою царицу послалъ въ Суздаль, и везли ее одну, только съ постельницею, да съ дѣвицею, мимо ихъ стрѣлецкихъ слободъ, въ худой кареткѣ и на худыхъ лошадяхъ... Царевичъ плакалъ и тосковалъ»... «Государь нѣмецъ любитъ, а царевичъ нѣмецъ не любитъ; приходилъ къ нему нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ нѣмчинѣ платѣ сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего ты къ нему ходишь: покажись я живъ, потамѣсь и вы».

По случаю казней стрѣльцовъ, какія-то женщины говорили: «государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ ту руку натвердилъ надъ стрѣльцами. Котораго дня государь и князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ и хлѣбъ не ѣтся».

Ко всему этому прибавилось раздраженіе по поводу разныхъ новшествъ, вводимыхъ царемъ послѣ возвращенія его изъ-за границы. Роптали на царя, что «борода брѣть и съ нѣмцами водится, и вѣра стала нѣмецкая». О патріархѣ говорили: «какой-де онъ патріархъ?—живетъ изъ куска: спать бы ему да ѣсть, да бережеть-де мантии да клобука бѣлова, затѣмъ-де онъ и не обличаетъ, а власти всѣ подкупныя». За такія слова виновныхъ жгли огнемъ, наказывали кнутомъ, ссылали на каторгу.

По случаю распространенія обычая употреблять табакъ, ревнители отеческихъ преданій порицали не только государя, но и духовенство, не препятствовавшее этому злу. Говорили: «какой то

нынѣ государь, что пустилъ такую проклятую табаку въ міръ: нынѣшніе попы волки и церкви божіей обругатели» и пр. ¹⁾).

Однако, бывали случаи, когда именно попы тайными внушеніями поддерживали суевѣрный ужасъ черни и дерзко осуждали въ своихъ приходахъ образъ дѣйствій государя. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Романовѣ попъ Вакула не допустилъ, однажды, солдата Кокорева къ св. кресту и назвалъ его врагомъ и бусурманомъ за то, что онъ былъ съ выстриженною бородою. Когда же Кокоревъ въ оправданіе свое сказалъ: «нынѣ на Москвѣ бояре и князи бороды брѣютъ, по волѣ царя», то Вакула называлъ послѣдняго «сума-сбродомъ» ²⁾).

Англичанинъ Перри рассказываетъ о разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ особенно осуждали царя за брадобритіе, прибавляя къ этому, что всѣ старанія открыть сочинителей памфлетовъ, оставались тщетными. Многіе простодушные суевѣры едва ли не до самой смерти оплакивали потерю бороды. «На Камышенкѣ», пишетъ Перри, «я зналъ одного русскаго плотника, уже преклонныхъ лѣтъ, и очень любилъ его за исправность. Въ послѣдствіи онъ встрѣтился мнѣ въ Воронежѣ, вскорѣ послѣ того, какъ въ цирюльнѣ обрѣзали ему бороду. Я въ шутку сказалъ ему, что онъ помолодѣлъ, и спросилъ: «куда же дѣвалась твоя борода»? «Вотъ она», отвѣчалъ плотникъ, вынимая ее изъ-за пазухи: «я запру ее въ сундукъ и велю положить ее съ собою въ гробъ, чтобы предстать съ нею на страшный судъ. Вся наша братья сдѣлаетъ то же» ³⁾).

Иностранцы не безъ опасенія наблюдали за повсемѣстнымъ раздраженіемъ въ народѣ. Въ своемъ донесеніи императору, отъ 7-го марта 1700 г., Плейеръ писалъ, что царь во время поста ѣстъ скоромное и дозволяетъ всѣмъ и каждому слѣдовать его примѣру. Это сообщеніе было писано въ шифрахъ, какъ и слѣдующее: къ Плейеру приходилъ какой-то казакъ, жалуясь на государя, который лишилъ казаковъ всѣхъ прежнихъ правъ, и прибавляя къ этому, что казаки готовы скоро перейти къ непріятелю ⁴⁾). Саксонскій дипломатическій агентъ, баронъ Лангенъ, доносилъ королю Августу, 3-го августа 1700 года, что ходятъ слухи о новомъ большомъ заговорѣ, что происходятъ многочисленные аресты, что вездѣ народъ крайне раздраженъ брадобритіемъ и переменною платя, но

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 294—296.

²⁾ Устряловъ, III, 196 и IV, 2. 188—191.

³⁾ Перри, нѣм. изд. 310, 330.

⁴⁾ Устряловъ, III, 651.

что вся эта ненависть къ царю и его преобразованіямъ не можетъ остановить хода реформы, такъ какъ царь твердо рѣшилъ искоренить отвращеніе русскихъ къ иностранцамъ и приучить своихъ подданныхъ къ новымъ нравамъ и обычаямъ въ духѣ западно-европейской культуры ¹⁾).

Когда Петръ заботился объ учрежденіи въ Амстердамѣ русской типографіи, для распространенія въ народѣ книгъ, и вообще старался о народномъ образованіи, нѣкто Бло (Bleau) писалъ, весною 1700 года, къ одному пріятелю: «москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука!» ²⁾).

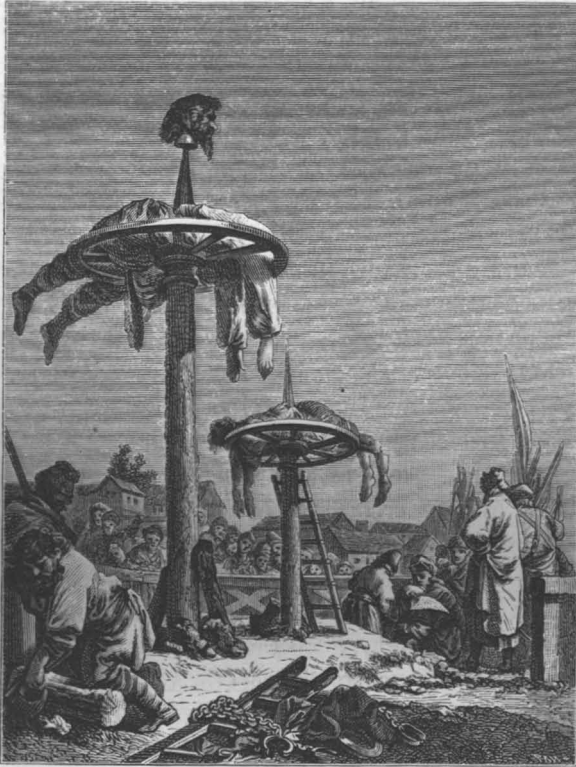
Въ сущности, противники Петра большею частью ограничивались пассивною ролью, жалобами, угрозами. Приступали къ враждебнымъ дѣйствіямъ лишь въ видѣ исключенія. Условія не благоприятствовали образованію политическихъ партій, организаціи систематическихъ дѣйствій противъ правительства. Не было и лицъ, способныхъ стать во главѣ недовольныхъ, составить что-либо похожее на программу, противоположную предначертаніямъ царя. Къ тому же, большая часть современниковъ, видя ломку существующаго, не была въ состояніи составить себѣ какое-либо понятіе о цѣли, къ которой стремился Петръ. Масса какъ-то инстинктивно возставала противъ преобразованія; однако, почти всѣ ограничивались лишь ропотомъ, хулою. Въ центрѣ Россіи мятежный духъ обнаруживался лишь въ неосторожныхъ рѣчахъ, въ словахъ, свидѣтельствовавшихъ о крайнемъ раздраженіи. Во всемъ этомъ еще не заключалось особенной опасности для государства. Революціонныя вспышки происходили лишь на юго-востокѣ, гдѣ шайки казаковъ и раскольниковъ приступали къ открытымъ мятежамъ, гдѣ инородцы доставляли обильный матеріалъ для увеличенія мятежныхъ скопищъ. Крестьянскіе бунты, казацкія вспышки, по временамъ появленіе самозванца или распространеніе слуха о появленіи таковаго — вотъ средства, которыя выставлялъ народъ для борьбы противъ грознаго царя.

Укажемъ для охарактеризованія общаго настроенія умовъ на нѣкоторые случаи выраженія негодованія на царя и его дѣйствія. Каждый изъ этихъ случаевъ представляетъ собою примѣръ уголовного слѣдствія, страшныхъ пытокъ, изысканныхъ истязаній, казней и ссылокъ. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній обо всемъ этомъ служатъ дѣла Тайнаго Преображенскаго Приказа.

¹⁾ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», IV, 97.

²⁾ Пекарскій, «Наука и лит. при П. В.» I, 12.

Нововведенія продолжались; къ тому же началась война, потребовавшая большихъ пожертвованій людьми и деньгами; рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою, и ропотъ усиливался. Крестьянинъ ропталъ: «какъ его Богъ на царство послать, такъ и свѣтлыхъ дней не видали; тягота на мѣръ, рубли да полтины, да подводы; отдыху

Казнь колесованіемъ.

Съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

нашей братьѣ нѣтъ». Сынъ боярскій говорилъ: «какой-де онъ государь? — нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные; нигдѣ отъ него не уйдешь; всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу; нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба минула и черни бы легче было». Крестьянки и солдатскія жены кричали: «какой онъ царь? — онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ

въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». Холопъ говорилъ: «если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстѣ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолѣтствомъ и одинъ, и нѣмцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тестъ Лефортъ умеръ; какой онъ царь?—врагъ, оторокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы». Монахъ говорилъ: «навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станетъ ихъ солить». Другой монахъ отвѣчалъ на это: «эти полти даромъ не пройдутъ; быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ». Нищій говорилъ: «нѣмцы его обопли: часъ добрый найдеть—все хорошо, а иной найдеть—такъ рветъ и мечетъ: да вотъ уже и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимають». Слышались слова: «міроѣдъ!—весь міръ переѣлъ; на него, кутилку, переводу нѣтъ; только переводить добрыхъ головы»!

«И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, замѣчаетъ Соловьевъ, сообщая эти любопытныя подробности, были сильныя жалобы на отягощеніе народное, жалобы, оканчивавшіяся бунтами. Но при этихъ жалобахъ народъ обыкновенно щадилъ особу царя, складывалъ всю вину на бояръ. Петръ не пользовался этимъ преимуществомъ, потому что сблизился съ нѣмцами, ѣздилъ въ ихъ землю, обрися, одѣлся по-нѣмецки, другихъ заставлялъ дѣлать то же, царицу сослалъ въ монастырь, вмѣсто нея взялъ нѣмку «Монсову».

Все это считалось народомъ ересью, и этимъ объясняются попытки поднять православныхъ противъ брадобритія. Въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года, въ семи верстахъ отъ Троицкаго монастыря, на большой московской дорогѣ, у Креста, прибили листъ противъ брадобритія. Въ Суздаль подкинутъ былъ точно такой же листъ у городскихъ воротъ, во время проѣзда чрезъ нихъ келейника архіерейскаго казначея; въ Юрьевѣ-Польскомъ тотъ же листъ явился прибитымъ у воротъ Архангельскаго монастыря. Высказывались опасенія, что дѣло не ограничится одними бородами; монахъ говорилъ: «государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру нѣмецкую: будетъ то, что станутъ по средамъ и пятницамъ бѣлицы и старцы ѣсть молоко».

Петръ во всѣхъ отношеніяхъ отличался отъ прежнихъ царей. Потому-то столь часто въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа встрѣчается сознаніе въ томъ, что подсудимые и ихъ знакомые обсуждали вопросъ: «какой онъ царь»? не находя на него отвѣта. Народъ видѣлъ, что происходитъ нѣчто необыкновенное. Стараніе объяснить все происходившее могло повести къ страннымъ вы-

думкамъ. Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразительнаго, страшнаго явленія, и первое объясненіе было высказано: «нѣмцы его обошли, испортили». Но на этомъ не остановились; фантазія разыгрывалась все больше и больше; являлся вопросъ: прямой ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Натальи Кирилловны?

Въ 1701 году, князь Василій Сонцевъ былъ казненъ за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софья называла Петра стрѣleckимъ сыномъ. Но вымыселъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что именно нужно было объяснить—почему Петръ полюбилъ все нѣмецкое! Наконецъ, народная фантазія создала объясненіе: Петръ не родился отъ Натальи и былъ подмѣненъ царицѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ дополненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефортова. Бабы, стирая бѣлье, толковали: «крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой-де онъ царь? родился отъ нѣмки беззаконной; онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число говорила: ты-де не сынъ мой,—замѣненный. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки».

Но и на этомъ фантазія не остановилась. Царь ввелъ бороденіе и нѣмецкое платье, царицу отослалъ, взялъ дѣвицу Монсъ, стрѣльцовъ переказнилъ—все это сдѣлалъ по возвращеніи изъ-за границы: но онъ ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего нѣмца же, чтобъ обусурманить православныхъ. Сначала, вѣроятно, на основаніи слуховъ о встрѣченнхъ Петромъ непріятностяхъ въ Ригѣ,—создалась слѣдующая сказка: «какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ со сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя, и она имъ сказала: подите посмотрите: буде онъ валяется, и для вашего прошенія выпущу; и князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: томень, государыня! и она имъ сказала: коли томень, и вы его выньте, и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ

нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю, къ постели, говорилъ: царь, государь, изволь встать и выйти: ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постель легъ на его мѣсто и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схвата и положи въ тое бочку, бросили въ

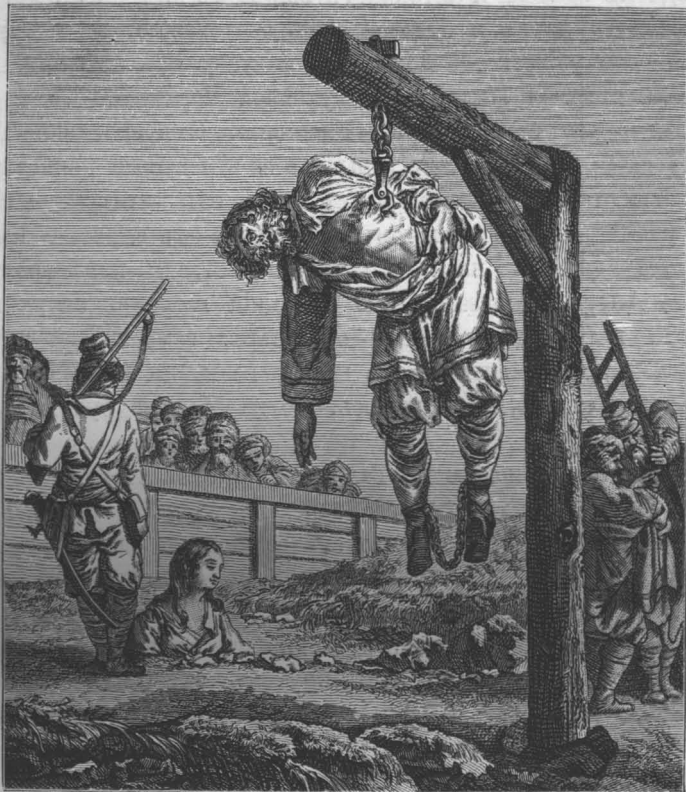
Пытка водой.

Съ рисунка, сдѣланнаго шведомъ Пальмквистомъ въ 1674 году.

море». Сказка не говорила, что сдѣлалось потомъ съ Петромъ, и люди, враждебные преобразованію, стали распространять слухъ, что онъ погибъ за границу, а на его мѣсто явился нѣмчинъ. «Это не нашъ государь, — нѣмецъ; — а нашъ царь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ».

Противники преобразованія не остановились и на нѣмецкомъ происхожденіи Петра. Мы знаемъ, что въ Россіи были люди, которые давно уже толковали объ антихристѣ, видѣли его и въ Ни-

конѣ и даже въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: понятно, что они заговорили еще громче о пришествіи антихриста, когда увидели такую полную перемѣну старины, совершенную сыномъ Алексѣя ¹⁾. Особенно среди раскольниковъ придавали всѣмъ перемѣнамъ религиозное значеніе, во всѣхъ мѣропріятіяхъ правительства видѣли проявленіе ереси.

Казнь повѣшеніемъ за ребро и закапываніемъ въ землю.

Съ рѣдчайшей французской гравюры начала XVIII ст., находящейся въ собраніи
П. Я. Дашкова.

Въ іюнѣ 1700 г., въ Преображенскій Приказъ былъ поданъ доносъ на «книгописца Гришку Талицкаго»: «слышать отъ него про государя всякія непристойныя слова; хочетъ онъ печатать тетради и, напечатавъ, бросать въ народъ». Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ, и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, под-

¹⁾ Соловьевъ, XV, 129—132.

вергнуть пытки и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, т. е. государь, также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступить приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ. Списки съ своихъ сочиненій давалъ своимъ единомышленникамъ и друзьямъ и за то бралъ съ нихъ деньги. О послѣднемъ времени и антихристъ вырѣзалъ двѣ доски, хотѣлъ на нихъ печатать листы и отдавать ихъ безденежно, къ возмущенію на государево убійство. Затѣмъ онъ мечталъ объ избраніи на царство боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго.

У Талицкаго были единомышленники. Отъ епископа Тамбовскаго, Игнатія, онъ получалъ деньги, и за эти деньги написалъ епископу тетради и разговаривалъ съ нимъ объ антихристѣ. Талицкій уличалъ Игнатія въ томъ, что, когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ.

Попъ Андрей показалъ, что Талицкій государя антихристомъ называлъ, и говорилъ: «какой онъ царь? самъ людей мучить!» Говорилъ и про царевича: «отъ недобраго корня и отрасли недобрая; какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе».

Монахъ Матвей показалъ: Талицкій пришелъ къ нему въ келью, принесъ съ собою тетрадку объ исчисленіи лѣтъ, и говорилъ: «питаться стало нечѣмъ, а вы что спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ».

Бояре приговорили: Гришку Талицкаго съ пятью товарищами казнить смертью; другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь; Тамбовскаго епископа, Игнатія, разстриженнаго, сослать въ Соловки въ тюрьму ¹⁾.

Казнь Талицкаго и его товарищей была особенно мучительна и продолжалась нѣсколько часовъ: ихъ жгли медленнымъ огнемъ. Правительство впослѣдствіи старалось вредить памяти о Талицкомъ разсказомъ, что Талицкій «во время казни, копченіемъ творимой, не стерпя того, покался и былъ снятъ съ онаго» и пр. Раскаяніе Талицкаго при копченіи живымъ едва ли могло имѣть какое нибудь значеніе.

Зато въ народѣ Талицкаго считали мученикомъ, погибшимъ за вѣру, и рассказывали, что, когда во время слѣдствія онъ спо-

¹⁾ Соловьевъ, XV, 132—134. О подробностяхъ казни см. Штраленберга: «Das nord-und östliche Theil von Europa und Asien», 248. II. С. З. № 3891.

рилъ со Стефаномъ Яворскимъ, то превосходилъ послѣдняго ученостію и діалектикою, не уступалъ ни въ чемъ митрополиту, котораго называлъ пророкомъ Вааловымъ, и пр. Правительство распорядилось поэтому напечатаніемъ сочиненія Яворскаго «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка», въ которомъ заключалось опроверженіе ученій Талицкаго ¹⁾. Въ кругахъ иностранцевъ смѣялись надъ сочиненіемъ Яворскаго ²⁾; народъ же оставался болѣею частью высокаго мнѣнія о Талицкомъ, о которомъ вспоминали и впослѣдствіи. О Талицкомъ, какъ о человѣкѣ великаго ума, говорилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, а въ 1750 году о немъ требовала свѣдѣній императрица Елизавета.

Ученіе раскольниковъ находило самую удобную почву въ воззрѣніяхъ народа, глубоко предубѣжденнаго противъ иностранцевъ, «поганныхъ, зловѣрныхъ». Масса народа коснѣла въ своей старинной исключительности и односторонности. Сознаніе народа было устремлено не впередъ, а назадъ, и поэтому всѣ нововведенія Петра могли казаться нарушеніемъ вѣры, страшнымъ грѣхомъ. Петръ и не думалъ вовсе поколебать или измѣнить господствующее начало духовной жизни Россіи, вѣру, христіанство, однако, его реформы казались народу несогласными съ религіею и поэтому возбуждали рѣшительное, фанатическое упорство. Русскіе люди не могли отдѣлать божіе отъ кесарева, религіозное отъ гражданскаго, церковное отъ государственнаго. Народъ не зналъ другого различія національнаго, кромѣ вѣры православной. О такомъ настроеніи умовъ свидѣлствуютъ сочиненія расколоучителей, распространенныя немедленно послѣ введенія Петромъ брадобритія, нѣмецкаго платья, новаго лѣтосчисленія и пр. Вотъ образчикъ этой публицистики, заключающей въ себѣ протестъ противъ новаго правительства, противъ западно-европейскихъ началъ государства, противъ реформъ Петра. «Мы», сказано въ одномъ изъ такихъ сочиненій, появившихся въ это время, «смотряще не дремательнымъ окомъ, познаваемъ, яко отъ лѣтъ почислу 1666 конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной

¹⁾ См. Пекарскаго, II, 77—82 и 543.

²⁾ Фокеродтъ въ изд. Германа «Zeitgenössische Berichte». Особенно забавнымъ казалось Фокеродту, что Яворскій основывалъ свое доказательство, что Петръ не можетъ быть антихристомъ, на томъ обстоятельстве, что путемъ каballистики изъ имени Петра нельзя вывести многозначительной цифры 666, указывающей на антихриста.

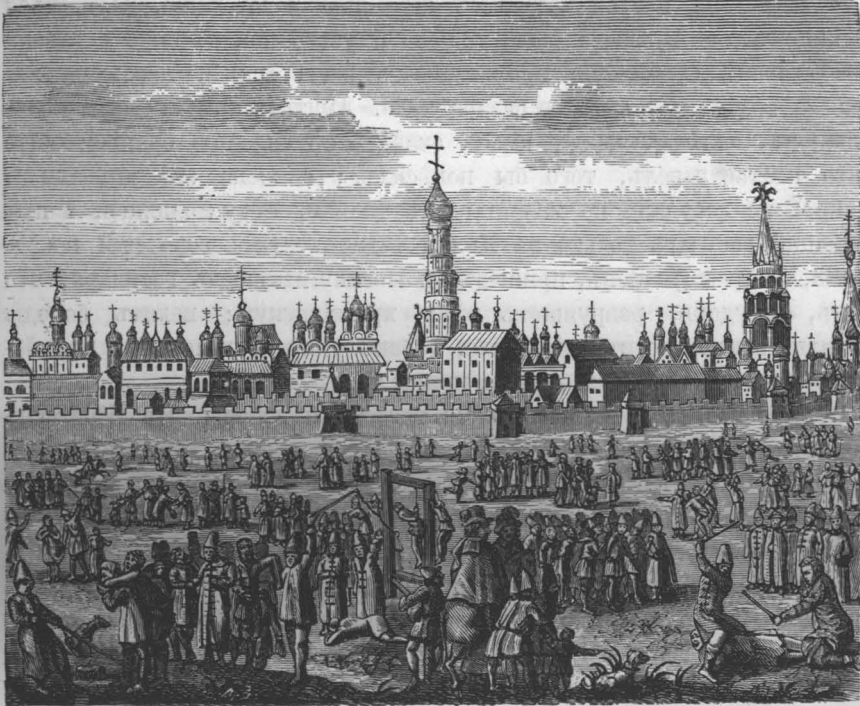
вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный, Петръ, и нача перевозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ хрістіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всея Русіи въ 1700 году возобновили; уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титулу патріаршескую и пр... въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ 1-й день Генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! отъ того дни разосла свои указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву и пр... Оле, благоразумныя чада, вонмите здѣсь, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены... Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ... понеже Петръ нача гонити и лѣстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая» и пр. и пр. ¹⁾).

Множество слѣдственныхъ дѣлъ свидѣлствуетъ о распространеніи подобныхъ мнѣній въ народѣ. Какой то подъячій Павелъ называлъ царя «нѣмцовымъ сыномъ» и упрекалъ его въ томъ, что онъ «въ великій постъ яйца и мясо кушаетъ». Какой-то крестьянинъ говорилъ, въ 1707 г.: «какъ де великій государь изволилъ итти съ Воронежа къ Москвѣ въ Филиповъ постъ и изволилъ быть въ кончинѣ Франца Яковлевича (Лефорта), въ селѣ Богоявленскомъ, и стоялъ на Вотчинниковѣ дворѣ, то онъ кушалъ скромное» ²⁾. Несмотря на книгу Стефана Яворскаго, въ народѣ продолжали считать Петра антихристомъ. Мысль эта не умирала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго. Въ 1704 году, въ Симоновомъ монастырѣ, хлѣбный старецъ Захарія говорилъ: «Талицкій нынѣ мученикъ святъ; вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе? вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ!» Въ Олонецкомъ уѣздѣ говорилъ одинъ дьячекъ: «на Москвѣ нынѣ изволилъ государь лѣтопись отъ Рож-

¹⁾ Щаповъ, «Русскій расколъ старообрядства», Казань, 1859, стр. 106—109.

²⁾ Устряловъ, IV, 202—204, 228.

дства Христова 1700 года, да платья носить венгерскія». Священникъ къ этому прибавилъ: «слышно, что и Великаго поста недѣля убавлена, и послѣ Свѣтлаго Воскресенія и Ѳоминой недѣли учнутъ межъ говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ѣсть во весь годъ». На это замѣтилъ дьячекъ: «какъ будутъ эти указы присланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними жить и горѣть» и прочее. Ка-

Публичныя наказанія въ Россіи въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ „Путешествіи“ Олсена.

кой-то монахъ говорилъ стрѣльцу, въ 1704 году: «нынѣ службы частыя; какое нынѣ христіанство? нынѣ вѣра все по новому; у меня есть книги старыя; а нынѣ эти книги жгутъ»... «Какой онъ намъ, христіанамъ, государь? онъ не государь,—латышъ: поста никакого не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы; писано объ немъ именно въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ, и ногою запи-
нается, и то его нечистый духъ ломаетъ; а стрѣльцовъ онъ пе-

реказнилъ за то, что они его еретичества знали, а они, стрѣльцы, прямые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы: поста не имѣютъ; прямого государя христіанскаго, царя Іоанна Алексѣевича, извелъ онъ же, льстецъ. Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да кудряхъ, бороды брѣютъ». Про Меншикова монахъ говорилъ: «онъ не просто живетъ, отъ Христа отвергся, для того отъ государя имѣетъ милость великую, а нынѣ за нимъ бѣси ходятъ и его берегутъ» и пр.

Перемѣна платья возбудила страшное негодованіе. Одѣваться нѣмцемъ для русскаго было тяжело и убыточно, и, даже оставляя въ сторонѣ суевѣрную привязанность къ старинѣ, перемѣна эта могла возбуждать сильное раздраженіе. Дмитровскій посадскій Большаковъ, надѣвая новую шубу, сказалъ съ сильною бранью: «кто это платье завелъ, того бы повѣсилъ»; а жена его прибавила: «прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ». Нижегородскій посадскій, Андрей Ивановъ, припелъ въ Москву извѣщать государя, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть, и потому, для обличенія его, государя, онъ и припелъ¹⁾.

Жаловались и на небывалыя тягости и поборы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: «Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало: украиня наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей браты, священниковъ, дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчель, съ избъ деньги; этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали; никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ!» Другой священникъ говорилъ отставному прапорщику, Аникѣ Акимовичу Попову: «въ міру у насъ стало нынѣ тяжело... въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова». Аника отвѣчалъ: «антихристъ уже есть; у насъ въ царствѣ не государь царствуетъ,—антихристъ» и пр. Священникъ замѣтилъ: «въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжело стало, того и жди, что отъ Бога станутъ отвращать». Игуменъ Троицкаго Смоленскаго монастыря говорилъ: «государь безвинно людямъ Божиимъ кровь проливаетъ и церкви Божіи разоряетъ: куда ему шведское царство подъ себя подбить? Чтобъ и своего царства не потерялъ!» Въ Москвѣ, недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на нѣмку,

¹⁾ Соловьевъ, XV, 135—137.

Анну Монсъ. «Видишь», говорили они, «какое бусурманское житье на Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лафертовскихъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той-же нѣмки». Недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ: между ними ходили слухи, что наслѣдникъ также недоволенъ, что онъ окружилъ себя всегдашними представителями недовольныхъ—казаками, и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя: «царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина, и мигнетъ казакамъ, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросаютъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ: это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говорить, что мнѣ не батюшка и не царь» ¹⁾).

Жалобы продолжались и впослѣдствіи. Раскольники писали о Петрѣ: «по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію со многимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ и уставы Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ, тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышати» и проч. Когда начались ревизіи, раскольники кричали: «мы таковому лжехристу въ послушество отдатися не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ... ибо мы отъ крещенія записаны есмь въ книги животныя у Царя Небеснаго... зрите челоуѣцы и вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кѣихъ лѣтахъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ до скончанія вѣка... онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ-же, православнымъ христіанамъ, подобаетъ всеусердно держаться отеческаго наказанія» и пр. ²⁾).

У астраханскаго подъячаго, Кочергина, найдено было письмо, заговоръ, оканчивавшійся словами: «онъ-бы, оберегатель мой, повсегда бодръ былъ, а монархъ нашъ, царь Петръ, буди проклятъ трижды». Тяглець Садовой слободы, Василій Волкъ, «при исповѣди царское величество называлъ антихристомъ, потому что велѣлъ бороды брить, и нѣмецкое платье носить, и службы великія, и податми, и поборами солдатскими, и иными нападками народъ весь разоренъ, и въ приказахъ судьи дѣлаютъ неправды и берутъ

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 30—32.

²⁾ Щаповъ, 108—109.

многія взятки, а онъ, государь, судей отъ того не унимаетъ и за ними не смотритъ» и проч. Попъ Будаковскій говоритъ: «какой онъ царь? лучшихъ бояръ велѣлъ посадить на колья, Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ». Разглашали, что Петръ какую-то Бутурлину довелъ до смерти, въ Измайловѣ бояръ канатомъ таскалъ изъ проруби въ прорубь и пр. ¹⁾).

Когда Петръ, въ послѣднее время своего царствованія, издалъ указъ о наслѣдіи престола, раскольники толковали: «взять за себя шведку, и крестъ цѣлуютъ за шведа; одно конечно—станетъ царствовать шведъ». Монахи говорили: «видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ?» Были случаи, что недовольные запирались въ хоромахъ, поджигали подъ собою пороховъ и т. п. ²⁾. Здѣсь и тамъ, по случаю собиранія налоговъ, доходило до сопротивленія вооруженною рукою ³⁾. Особенное озлобленіе возбуждалось рекрутскою повинностью. Новобранцевъ худо кормили. Они умирали массами. Когда собирали рекрутъ, ихъ сначала выводили изъ домовъ скованными, въ городахъ содержали ихъ по тюрьмамъ и острогамъ, изнуряли худою пищею. Не мудрено, что при этомъ многіе спасались бѣгствомъ, образовывали шайки разбойниковъ, приставали къ «воровскимъ людямъ» ⁴⁾. Бывали случаи, что новобранцамъ накладывали на лѣвую руку раскаленнымъ желѣзомъ небольшія клейма, ради болѣе успѣшнаго преслѣдованія дезертировъ. Въ народѣ-же это клеймо называли «печатью антихриста» ⁵⁾.

Повсемѣстное, общее раздраженіе возросло съ каждымъ случаемъ преслѣдованія недовольныхъ властями. Число-же людей, страдавшихъ въ застѣнкахъ, росло по мѣрѣ того, какъ правительство своими нововведеніями возбуждало все болѣе и болѣе неудовольствіе въ разныхъ классахъ общества. При тогдашнихъ пріемахъ уголовного судопроизводства, пощады не было ⁶⁾. Борьба между правительствомъ и обществомъ становилась все болѣе и болѣе ожесточенною. Насилію судей, приказныхъ людей, офицеровъ, воеводъ, соотвѣтствовала склонность къ насилію, грабежу, убій-

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 304—305.

²⁾ Тамъ-же, XVIII, 238—239.

³⁾ «Русская Старина», XII, 381.

⁴⁾ Соловьевъ, XVI, 202 и 203.

⁵⁾ «Русскій Архивъ» 1873 г., 2068 и слѣд. и 2296 и слѣд.

⁶⁾ Сборникъ такихъ фактовъ въ статьѣ М. Семеваго, въ журналѣ «Свѣточъ», III, отд. II и IV.

ствамъ въ массѣ народа. Особенно-же на юго-востокѣ государства, въ степной окраинѣ, на Волгѣ, на Дону, на Уралѣ, въ странѣ казаковъ, инородцевъ, бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, ожесточеніе доходило до открытаго бунта.

Не мудрено, что при такомъ броженіи умовъ, при подобной паткости въ государствѣ, современники считали возможнымъ, что царствованіе Петра не будетъ продолжительнымъ. Когда, въ 1707 г., начались переговоры о женитьбѣ царевича Алексѣя на Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской принцессѣ, тайный совѣтникъ Шлейницъ, въ запискѣ отъ 16-го октября 1707 года, обратилъ вниманіе своего правительства на крайне опасное положеніе, въ которомъ находился въ то время московскій царь: онъ высказывалъ убѣжденіе, что при страшныхъ бунтахъ, повторяющихся въ Россіи, при общемъ неудовольствіи, господствующемъ въ этомъ государствѣ, не должно думать о вступленіи въ родственныя отношенія съ царемъ московскимъ ¹⁾).

¹⁾ Герье, 82.